

Политические науки

УДК 94(47):32.019.57

Аршин К.В.,
кандидат философских наук,
ученый секретарь,
Федеральный исследовательский центр
картофеля имени А.Г. Лорха, (г.Люберцы)

Остановка политики «коренизации» в СССР (историсофский аспект)

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-1-124-131

В статье политика «коренизации» рассматривается как важный элемент политического развития Советского Союза. Однако к концу 1920-х гг. она в значительной степени себя исчерпала. В условиях нарастающего военного противостояния СССР с окружающими его капиталистическими странами («военная тревога 1927 г.») рост «местных национализмов» служил ослабляющим страну фактором. Именно это послужило основной причиной принятия решения о постепенном отказе от политики «коренизации» в пользу поощрения «советского патриотизма». Итогом указанной политики стало формирование концепта «советский народ», который фактически выстраивался как «социалистический по форме, национальный по содержанию» (на основе русской культуры и истории). Указанное противоречие воспрепятствовало формированию единой советской нации и послужило одной из причин распада СССР, поскольку концепт «советский народ» не оказался близок ни одному из народов СССР, в том числе русскому народу.

Ключевые слова: коренизация, национализм, советский народ, нация, национальное меньшинство.

Arshin K.V.,
Candidate of Philosophical Sciences,
Academic Secretary. Russian Potato Research Centre

Stopping of the Policy of «Korenization» in the USSR (historiosophical aspect)

In the article, the policy of «indigenization» was seen as an important element in the political development of the Soviet Union. However, by the end of the 1920s, it much exhausted herself. In the context of the growing military confrontation between the USSR and the capitalist countries surrounding it (the “military alert of 1927”), the growth of “local nationalisms” served as a weakening factor for the country. Under

these conditions, it was decided to gradually abandon the policy of «indigenization» in favor of encouraging «Soviet patriotism». The result of this policy was the formation of the concept «Soviet people», which was actually built as «socialist in form, national in content» (based on Russian culture and history). This contradiction prevented the formation of a single Soviet nation and served as one of the reasons for the collapse of the USSR, since the concept of «Soviet people» was not close to any of the peoples of the USSR, including the Russian people.

Keywords: *indigenization, nationalism, Soviet people, nation, national minority.*

Политика «коренизации» в 1920-х гг. рассматривалась как необходимый элемент общегосударственной политики Советского государства по построению социалистического общества. В ее основе, с одной стороны, лежало поощрение культурного и политического развития национальных меньшинств, а с другой стороны, проведение мероприятий, направленных на снижение статуса русского народа, а именно преобразование его из государствообразующего народа в один из народов, населяющих территорию Советского государства. Как и всякий комплекс мероприятий, связанный с преобразованием национальной идентичности, а «коренизация» была направлена именно на это, «коренизация», проводимая в 1920-х гг., оказывает влияние и на наше время. Как следствие, «коренизации» как явлению, а также ее отдельным аспектам («коренизации» и языковой политике, «коренизации» и территориальному размежеванию, «коренизации» в отдельных регионах страны) посвящен огромный комплекс работ. Только за последние 10 лет в России вышло около 10 крупных монографий (в том числе переводных) и сборников статей [Наиболее важные их них: Советские нации, 2014; Мартин, 2011; Государство наций, 2011; Аманжолова, Красовицкая, Дроздов 2021, Аманжолова, 2019; Борисенко, 2017].

Вместе с тем, вопрос социальных предпосылок, которые послужили основой для формирования концепта «советский народ», освещен не столь подробно. Остается смутным и вопрос, что послужило триггером, побудившим руководство СССР к отказу от политики «коренизации» как поощрения культурного и политического развития этнических меньшинств в пользу попыток создания единой социальной общности, в которой вопрос этнической принадлежности имел бы второстепенное значение. С точки зрения, представленной в данной работе, таким триггером послужила «Военная тревога 1927 г.», показавшая слабость СССР как в военно-техническом, так и в социальном отношениях. Далее, пусть и в сжатой форме, будут представлены причины, побудившие руководство Советского государства пойти по пути «коренизации», а также основания, заставившие его от данной политики отказаться.

Придя к власти в результате Октябрьской революции 25-26 октября 1917 г., «большевики» оказались перед дилеммой – как управлять такой сложной (в культурном и этническом плане) и находящейся в ситуации революционного брожения страной. Уже 27 октября 1917 г. II Всероссийским съездом советов

рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было создано первое советское правительство в составе 13 народных комиссаров. Примечательно, что одним из вновь назначенных комиссаров был И. Сталин, возглавивший комиссариат по делам национальностей [Декреты Советской власти, 1957]. Одним из первых действий нового комиссариата стало налаживание отношений с лидерами национальных меньшинств бывшей Российской империи, которые в период февраль-октябрь 1917 гг. крайне активно заявили о национальных правах своих этнических общностей. Указанные требования колебались от требований экстерриториальной автономии (евреи) до желания создать собственное независимое государство (Польша, Финляндия, Прибалтийские земли Российской империи) [Аманжолова, Красовицкая, 2020; Хирш, 2022].

Необходимо отметить, что победа большевиков в Гражданской войне, развернувшейся на всей территории бывшей Российской империи, и поражение Белого движения, не в последнюю очередь может быть объяснено подходом противоборствующих сторон к национальному вопросу. Если Белое движение исходило из максимы «Единой и неделимой России» и русского языка как единственного государственного [Бугай, 2017; Аманжолова, 1994], то большевики уже на VII Всероссийской конференции РСДРП обозначили свою позицию, которая сводилась к признанию права нации [т.е. национальных меньшинств – *К.А.*] на отделение и создание собственного государства, а случае, если она этого хочет, либо, в случае, если национальное меньшинство желает остаться в составе России, ему предоставляется право создать областную автономию, границы которой будут определяться «самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и пр.» [Сталин, 1936а, с. 48].

Впоследствии в рамках Гражданской войны и последовавшей дискуссии о создании СССР позиция РКП (б) была уточнена. Фактически большевики столкнулись с ситуацией необходимости поддержания единства территорий, которые существенно отличались друг от друга по своему хозяйственному, политическому и культурному облику, что требовало реализации комплекса мер, направленных на ликвидацию указанных различий. О последнем было заявлено И. Сталиным в докладе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г.: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [Сталин, 1936б, с. 76]. Решение указанной задачи виделось в территориальной организации страны в рамках сочетания этнографического принципа и территориального принципа, в основе которого идея о равномерном экономическом развитии [Хирш, 2022].

На X съезде РКП(б) в 1921 г. был дан старт реализации политики коренизации, суть которой заключалась в следующем: «а) развить и укрепить у себя [национальных окраинах – *К.А.*] советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы

власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке» [Сталин, 1936с, с. 70]. Однако окончательно линия на «коренизацию» была оформлена только на XII съезде РКП(б) в 1923 г.

В целом компания по осуществлению политики «коренизации» оказалась успешной: увеличилось представительство национальных меньшинств в государственных и партийных органах (к 1930-му году от 12,7% в Казахстане, до 93,53% - в Армении) [Хмара, 2006]; 46 этносов получили свой алфавит; увеличилась доля использования национальных языков в официальном делопроизводстве и преподавании [Сянчжун, 2014].

Однако события 1927 г., а именно так называемая «военная тревога» 1927 г., показали всю неоднозначность этой политики в условиях нарастающей опасности военного столкновения с капиталистическими странами. Анализ общественных настроений, проведенный органами государственной безопасности, показал, что «враждебное отношение к коммунистам и их власти было весьма распространено среди рабочих различных регионов страны». Отношение крестьянства к коммунистическим властям характеризовалось как еще более критическое: «в Тамбовской губернии, в Армавирском, Майкопском, Ставропольском и Амурском округах крестьяне отказывались голосовать за резолюции, в которых указывалось на их готовность защищать СССР. Это же отказались сделать крестьяне двух селений Милеевской волости Жиздринского уезда Калужской губернии. В д. Иржино Нижегородской губернии раздавались призывы не отчислять в фонд «Наш ответ Чемберлену» по причине того, что все действия СССР по подготовке к войне только провоцируют Англию. Крестьяне многих регионов страны фактически сорвали начатую осенью 1927 г. «Неделю обороны» и отказывались жертвовать в фонд обороны, отмечая свое нежелание воевать» [Брянцев, 2017, с. 104-105].

Примечательно, что негативные настроения в отношении грядущей войны и, как следствие, необходимости защиты социалистического Отечества, высказывали как раз исконно русские области. И это не удивительно, едва ли как для рабочих, так и для крестьян русских регионов страны были тайной издержки коренизации, суть которых сводилась к фактически нарушению прав русских не только в союзных республиках, но и автономных республиках РСФСР. Так, в Горской АССР русское население жаловалось: «Жизнь русского населения стала <...> невыносимой и ведёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики <...> Полное разорение экономике края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими <...>» [17, 131-132]. В Калмыкии оно же просило: «Нам нужно предоставить право наравне с калмыками». В Саратовской области, в местах реализации политики коренизации в пользу немецкоговорящего населения наблюдались волнения на национальной почве между русским большинством и немецким меньшинством, причина которых заключалась в нежелании русских обучать своих детей на немецком языке [Герман, 2013]. На Кубани коренизация в пользу национальных меньшинств

также вызывала крайне негативную реакцию среди русского большинства. Особенно это касалось политики в области поощрения продвижения национальных кадров в промышленности. Так, в 1932 г. газета «Красное знамя» писала о сотруднике «Красэлтрама» комсомольце Шульгине, который открыто выступил против поощрения работников промышленных предприятий на основе национального признака и был поддержан коллективом [Васильев, 2010]. В селениях Белорусской ССР, непосредственно граничащих с РСФСР, умоляли оставить русский язык в качестве языка преподавания в школах [Хмара, 2006]. Очевидно, что против коренизации активно выступали не только в национальных республиках, но и в российских регионах. Причем роль активистов порой играли, казалось бы, те, кто должен поддерживать советскую власть – промышленные рабочие. Очевидно, что в ситуации крайне вероятного военного столкновения, СССР в подобных условиях вряд ли продемонстрировал бы необходимое единство.

Как следствие, было принято, вероятно, единственно правильное решение о постепенном повороте от интернационализма к советскому патриотизму, основанному на повышении статуса русского народа.

Однако указанный процесс растянулся до начала 1930-х гг. Еще в 1930 г. в рамках работы Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов главный идеолог советской исторической науки академик М.Н. Покровский заявлял в отношении русской истории «мы поняли,— чуть-чуть поздно— что термин “русская история” есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и “единой и неделимой» [Труды, 1930, с. 494-495]. И далее конкретизируя свои тезисы уже в рамках статьи «Возникновение Московского государства и великорусская народность»: «А кто такие эти «великорусы» <...> никаких великорусов не было вообще – на этой территории [территории возникновения Киевской Руси – К.А.] проживали финские племена автохтоны, которые <...> финизировали своих поработителей» [Цит по: Кузнечевский, 2016, с. 29]. Но уже в 1931 г. И. Сталин пишет письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором указывает на наличие принципиальных исторических ошибок в трудах официальных большевистских историков, которые пренебрегают реальной практикой большевизма [Сталин, 1931].

Одновременно начинается атака на шовинизм в отношении русских со стороны национальных меньшинств. Так, в 1928 г. в Армении была раскрыта группа «специфистов», обвиненная в акцентировании исключительного положения армян по отношению к другим народам республики. И в официальных речах руководства страны все чаще начинают появляться обвиняющие реплики в адрес национализма малых народов, проявления которого служат выражением недовольства режимом диктатуры пролетариата, «стремлением обособиться в свое национальное государства» и, как следствие, ослабить единство СССР [Сталин, 1936d].

Впрочем, указанный поворот породил порой фантазмагорические ситуации. Например, в Коми АССР некоторые руководители, боясь обвинений в «воинствующем коми национализме», в начале 1930-х гг. переводили

делопроизводство на русский язык и тут же получали обвинения в «великодержавном шовинизме» [Киросова, 2019].

Смерть М.Н. Покровского в 1932 г. открывает новую страницу в повышении статуса русского народа до уровня «старшего брата». В рамках работы XVII съезда ВКП(б) в январе 1934 г. одним из идеологов партии Н. Бухариным, в духе концепции Покровского, был провозглашен лозунг о русских как нации Обломовых. Однако уже в конце января – начале февраля 1934 г. в передовицах газеты «Правда» была напечатана гневная отповедь на указанные обвинения в адрес русского народа, который представлялся локомотивом социалистических преобразований и наделялся статусом «первого среди равных». Еще два года спустя, в 1936 г., как указывает известный исследователь советской истории 1917-1953 гг. Дэвид Барнденбергер, «сфера «русского» влияния распространилась за пределы советского опыта как такового» [Барнденбергер, 2009, с. 57-58]. Была осуществлена реабилитация как персоналий, внесших существенный вклад в развитие русской науки и культуры (наиболее примечательный пример – придание А.С. Пушкину статуса «великого русского национального проекта»), так и ряда государственных деятелей царской России. Одновременно официальный статус получил тезис о связи культуры нерусских народов с культурой русского народа [Волин, 1938], следствием чего стала кампания по переводу письменности нерусских народов с латиницы на кириллицу (официально завершившаяся в июне 1941 г.) [Аманжолова, Красовицкая, 2020, с. 241-242].

Однако у указанной кампании по повышению статуса русского народа были и свои ограничения, выразившиеся как в официальном неприятии неоднократно ставившегося вопроса о создании ЦК Российской коммунистической партии [Аманжолова, Красовицкая, 2020; Кузнецовский, 2016], так и «Ленинградском деле», проходивших по которому представителей советской элиты обвиняли в русском национализме [Барнденбергер, 2009; Кузнецовский, 2016].

Можно констатировать, что изменение статуса русского народа в сторону его повышения так до конца и не произошло. Вероятно, именно с этим связан тот факт, что концепт «советский народ», основанный на заложенных в 1930-х гг. представлениях о роли русского народа как «старшего брата» и «первого среди равных», так и не был принят в качестве основной идентификационной матрицы народами СССР, что в итоге привело к обострению, помимо прочих причин, в конце 1980-х и начале 1990-х гг. национальных противоречий, этническим конфликтам и распаду страны.

Список литературы

Аманжолова, Красовицкая, 2020 – *Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю.* Культурная сложность Советской России: Идеология и практики управления 1917-1941 гг. М.: Новый хронограф, 2020.

Аманжолова, Красовицкая, Дроздов 2021 – *Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю., Дроздов К.С.* Советский национальный проект в 1920–1940-е годы. Идеология и практика М.: Новый хронограф, 2021.

Аманжолова, 2019 – *Аманжолова Д.А.* Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920-1930-е гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

Аманжолова, 1994 – *Аманжолова Д.А.* Национальная политика правительства Колчака А. В. (1918-1919 годы) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 1994. №1 (7). С. 20-32.

Бранденбергер, 2009 – *Бранденбергер Д.* Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931-1956. СПб.: Академический проект, 2009.

Борисенок, 2017 - *Борисенок Е.Ю.* «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М.: Издатель Степаненко, 2017.

Брянцев, 2017 – *Брянцев М.В.* Англо-советский конфликт 1927 года в представлении населения советской провинции // *Новейшая история России*. 2017. № 3. С. 100-114.

Бугай, 2017 – *Бугай Н.Ф.* Русский генерал А. И. Деникин: вопросы национальной политики на Юге России. 1917-1920 гг. // *ИСОМ*. 2017. №1-2. С. 15-24.

Васильев, 2010 – *Васильев И.Ю.* «Шагай, нацмен». Политика «коренизации» на Кубани в 1920-х – начале 1930-х гг. // *Вопросы национализма*. 2010. № 4. С. 151-156.

Волин, 1938 – Волин Б. Великий русский народ // *Большевик*. 1938. № 9. С. 26-37.

Герман, 2013 – *Герман А.А.* Политика «Коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2013. №4. С. 94-97.

Государство наций, 2011 – *Государство нация. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

Декреты Советской власти, 1957 - *Декреты Советской власти*. Т.1. М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1957.

Кирсова, 2019 – *Кирсова Н.В.* Коренизация партийно-государственного аппарата как тактическая задача осуществления национально-языковой политики в Коми регионе в 1920-1930-е гг // *Манускрипт*. 2019. №6. С. 39-43.

Кузнечевский, 2016 - *Кузнечевский В.Д.* Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931-1953 гг., М.: Центрполиграф, 2016.

Мартин, 2011 – *Мартин Т.* «Империя положительной» деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.

Советские нации, 2014 - Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014.

Сталин, 1936а – *Сталин И.В.* Доклад по национальному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП 29 апреля (12 мая) 1917 г. // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С.46-50.

Сталин, 1936б – *Сталин И.В.* Очередные задачи партии в национальном вопросе // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С.73-81.

Сталин, 1936с – *Сталин И.В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С.65-72.

Сталин, 1936d – *Сталин И.В.* Об уклонах в области национального вопроса // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С.191-198.

Сталин, 1931 – *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. № 6 (113). 1931. С. 101-102.

Сянчжун, 2006 – *Сянчжун Л.* Плюсы и минусы политики коренизации в 1920 г. // Ойкумена. 2006. №1. С. 41-49.

Труды..., 1930 – Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930.

Хирш, 2022 – *Хирш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Хмара, 2006 – *Хмара Н.И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР 1920-1930-е годы // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126-139.

УДК 32

Ковалев А.А.,

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС*

Дискредитация духовно-нравственных элементов национального менталитета как угроза национальной безопасности России (на примере традиционных конфессий, культуры и русского языка)

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-1-131-139